
Дмитрий ВОРОНИН

РАССКАЗЫ

ОШИБОЧКА ВЫШЛА

Она шла по поселку и, улыбаясь каждому встречному, сообщала:

— Вот в магазин опять бегу. Сказали, что мандарины завезли, купить надо. Мои мальчики должны к Новому году приехать, а как на празднике — и без мандаринов, они их очень любят. Вы приходите к нам, ребята обрадуются.

Встречные вжимали головы в плечи, виновато отводили в сторону взгляд и скоро отвечали:

— Придем, Лида, обязательно придем.

Братьев Славку, Андрюшку и Генку накрыло в блиндаже прямым попаданием akurat за три недели до новогоднего праздника. Матери страшную весть сообщил военком района — толстый майор Габиев:

— Крепись, мать. Твои дети — герои, за Родину пали. К Новому году жди, привезут. Сообщим.

Да кто ж в такое поверит, чтоб вот так сразу всех троих? Она и не поверила.

Толстый майор Габиев еще осенью, выписывая братьям повестки, на секунду задумался, что может оставить младшего мамаше. Но надо было срочно рапортовать в область о выполнении плана, и военком, глотнув из бутылки коньяка, уверенно отштамповал документы.

— Авось не убьют.

Лидия, промокнув платком слезы, тихо всхлипнула.

— Так надо, дети. Смотрите там друг за дружкой. И возвращайтесь целыми. А я вам тут невест сыщу пока, чтобы внуки были.

— Вернемся, ма, и женимся, и внуков тебе подарим, — обняли сыновья мать на прощание.

Все ошиблись. И толстый майор Габиев, и братья-погодки, и Лидия, и даже телевизор, который бубнил голосом депутата:

— При проведении настоящей мобилизации кое-где вскрылись отдельные недостатки, над устранением которых мы сейчас и работаем. Ошибочки, так сказать.

Дмитрий Павлович Воронин родился в 1961 году в г. Клайпеде Литовской ССР. Сельский учитель. Член СПР. Автор четырех книг прозы. Лауреат премии А. Куприна. Лауреат издания «День литературы» (Москва). Лауреат 1 премии конкурса «Защитим правду о Победе» газеты «Литературная Россия» (Москва). Публикации в журналах «Нева», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Север», «Подъем», «Сибирь», «Дон», «Простор», «Огни Кузбасса» и многих других. Участник более 60 альманахов и прозаических сборников в России и за рубежом. Проживает в п. Тишино Калининградской области.

РЫЖИЙ КАНТ

Старый Кант жил на краю рабочего поселка. Он ходил в застывшей от грязи еще советской дубленке с чужого плеча и высоких утепленных калошах. Волосики на голове у Канта были белесые и редкие, а борода рыжей. Кто его помнил молодым, сказывали, что он весь тогда огнем горел. А к старости уже дотлевал. Ногами по дороге шаркал, улыбался всякому, что человеку, что собаке, что курице. И глаза... Взгляд все время куда-то вдаль направлен, будто и не при нем. Чудной старик, философствующий, одно слово — рыжий. Вместо «здрасьте» у него всякий раз при встрече:

- А если сегодня война?
- Ну и что? Воевать пойдем, не впервой.
- А если с братьями выйдет? Как брат против брата или отца, к примеру? Или вот сосед против соседа? Нельзя же, против соседа такое. Я вот не хочу.
- Отвали, Кант, гонишь пургу всякую. Кто у нас тут в поселке воевать затеет.
- Так не у нас, а вообще. Вот и славяне, к примеру...
- Тьфу на тебя, к лещему. Каркаешь почему зря. Надоел уже, иди с курицами философию разводи, они послушают.

Вечером Кант беззубо улыбался соседям:

- Войны не вышло, пронесло. Можно будет еще одну ночь на звезды смотреть и совесть свою баюкать.
 - Чтоб тебя самого пронесло с твоей дурацкой философией.
- Назавтра была война, а Кант ночью помер.

СЧАСТЬЕ

Лето. Пора сенокоса, ягод, первых грибов, теплых проливных дождей, трясогузок и жаворонков.

Я валяюсь на лежанке с закрытыми глазами и слушаю мелодию раннего утра. Мне уютно и легко. На лице ощущаю какую-то глупую мечтательную полуулыбку — наверное, счастья.

Со двора доносится петушиная побудка Петра Петровича. Бабушка Маня гремит внизу посудой и ухватом, то закрывает заслонкой печное устье, то открывает, выпуская оттуда поток духмяного воздуха. Завтрак готовит для большой семьи. Ходит туда-сюда по кухне, что-то нашептывая себе под нос, — то ли ругает кого, то ли приговаривает. А то вдруг тихонечко запоеет, слов не уловить. Куплет пропоет — и опять бормочет, мои уши щекочет. Скрипят время от времени сальные двери, выпуская бабушку в кладовку по муку да по яйца. Недовольно взвизгивает люк подпола, и охают ступеньки, когда бабушка Маня грузно спускается за маслом и сметаной, а заодно и квашеной капусткой деду на завтрак, любит он ее больно.

Где-то за печкой шебуршится мышка, но кот Матвей и глазом не ведет. Вернулся с ночной охоты, залез на лежанку, вытянулся рядом со мной и мурчит чего-то там себе сквозь сон.

Бабушка Маня в очередной раз отодвигает заслонку, стучит ухватом, и кухня наполняется запахом свежеспеченного хлеба.

Меня не надо будить. Я сам спускаюсь с печи и жду свою порцию счастья. Ждет ее и кот Матвей, ласкаясь о бабушкины ноги.

— Доброе утро, ба.

— Доброе, доброе, внучок, — бабушка наливает мне большую кружку парного молока. — С полчаса всего как от коровы.

Потом отрезает здоровый ломоть горячего хлеба, и я все с той же блаженной полуулыбкой выхожу во двор и жмурюсь на утреннее солнышко.

Петр Петрович важно проходит возле меня, чуть кося взглядом на хлебную краюху. Кусочек мякиша летит ему вслед.

Со стороны баньки доносятся лязгающие звуки. Это дед набивает косы, скоро на делянку. Я иду к нему босой по огородной тропке, жую теплый хлеб и запиваю его таким же теплым молоком.

— Доброе утро, дед, — сажусь на завалинку у слегка покосившейся старенькой баньки.

— Здоров, внук, — откликается дед Петя, продолжая свое важное дело.

Я сижу, ем, смотрю на ладную работу деда и втягиваю в себя крапивно-малиновый воздух, замешенный на лыковом запахе, струящимся из предбанника. Мне ужасно хорошо.

Скоро баба Маня позовет завтракать.

И вот уже на столе пышут блины и оладушки, шкварчит яичница, в котелке разваливается на кусочки вареная картошка, обильно посыпанная укропом и сдобренная сливочным маслом, разложены пучки зеленого лука, редис и свеженькие огурчики. Перед дедом глубокая тарелка квашеной капусты, на середине стола пытит самовар, а по краям стоят крынки с Зорькиным молоком.

Потом сенокос. Отец в потной рубахе, сноровисто машущий литовкой вслед деду Пете, мама в сбившейся косынке с граблями в руках, смеющаяся тетя Галя, раскидывающая траву для просушки, и озорник Пашка, подбрасывающий ужонка к ногам трусихи Ольги.

В обед пьянящий дух собранной на опушке земляники и хлебный вкус домашнего кваса, а поздним вечером игра в лото всей семьей по копеечке, печальный звук соседской гармонии деда Игната, задорный смех парней за воротами и звонкие девчачьи голоса, складно перепевающие какую-то эстрадную певичку. Перед сном кружка свежего молока и кусок теплого бабушкиного хлеба — не простыл и за день, а может, мне это просто кажется. И звезды, звезды, звезды...

Сон наступает мгновенно, лишь только голова тонет в пуховой подушке. Глупая полуулыбка счастья и ночью не сходит с лица.

ЗВЕЗДАНУТЫЙ

На хасавюртовском рынке всегда многолюдно. Война войной, а витамины и федералам нужны. Две пары рук одновременно схватились за последний арбуз.

— Как делить будем? — напрягся поджарый капитан в камуфляже.

— Разыграем на спичках, — улыбнулся коренастый майор.

— Откуда?

— Из Липецка.

— А я из Магадана. Глаза у тебя странные, зрачки — будто звездочки.

— Мать говорила, звездопад был, когда рожала, вот и залетели.

— Везунчик, наверное.

— А то! — вытянул короткую спичку липчанин.

Этот разбитый дом у дороги выглядел подозрительно. Майор незаметно подполз к стене, присел на корточки, осторожно потянулся к проему окна, заглянул и тут же ощутил холод металла на переносице. «Хана!» — пронеслось в голове.

— Привет, звезданутый, — дуло автомата резко ушло в сторону. — Повезло тебе, такие глаза не забываются.

НЕ ГЕРОЙ

Дед Петр завсегда баньку сам протапливал и первым пар принимал. А потом, уже за столом, ждал, когда вся его большая семья перемоеется. И пока ждал, чекушечку приговаривал, закусывая домашними пельменями.

— Петр Иваныч, — подсел как-то к нему внук Пашка, — а расскажи хоть нам, как воевал-то на фронтах, как фашиста бил? Интересно же.

— А чего интересно-то? Ничего тут интересного нету. Воевал, и все.

— Ну уж и нету? — недоверчиво покосился на деда внучек. — Всю войну прошел — и нету?

— Не ерой я, Пашка, не ерой, — отмахнулся дед Петр от пацана и замолчал.

Всю войну Петр шоферил. Сначала из Риги вывозил какие-то документы, потом доставлял подкрепление на передовую, назад — раненых. В блокаду полторку по озеру туда-обратно гонял. В Ленинград все больше муку с медикаментами, а оттуда — детишек полуобморочных да женщин-дистрофичек. Тонул пару раз да замерзал на ветру без счета, но Бог миловал. Потом до Варшавы доехал, все со снарядами да патронами. А там и осколочное получил в легкое, ну и домой подчистую. Что тут особенного?

— Ну как же — не герой? — не отставал Пашка. — Вон у тебя и медали есть. А их же не за просто так давали.

— Давали и давали, — нахмурился ветеран. — Всем давали, на то и война. А я не ерой, все время за баранкой.

— И чего? И не стрелял, что ли?

— А когда стрелять, если то за баранкой, то под капотом? Руки-то заняты, да и мысли про другое: как бы доехать до места, и чтоб живые все были, и машина цела. Мое-то оружие — руль, его крепко держать назначено, а с ружьем-то да пистолетом другие бегали. Каждому свое.

— Тю, — разочарованно выдохнул пацан и вышел из-за стола.

— Я ж говорил, что не ерой, — опрокинул в себя граненый стакан дед Петр, занюхал кусочком черного хлеба и отправился спать.

СКАЗОЧНЫЙ ЧАЙ

Пассажиры в пенсне поднялись вслед за носильщиком в вагон, прошел в купе, достал портмоне и расплатился.

— Благодарствую, барин.

Барин вынул из сакvojа стопку писчей бумаги и аккуратно положил ее на столик. Через десять минут поезд тронулся.

— До Тюмени сутки ехать, — предупредил проводник, проверяя билет. — Что изволите, ваше благородие?

— Чаю. Сделаешь? — улыбнулся ухоженный господин.

— Сей момент.

Пассажир взял ручку, обмакнул ее в дорожную чернильницу и погрузился в работу.

— А чай где? — недовольно напомнил он через пару часов заглянувшему в купе проводнику.

— А? Сей момент! Не извольте беспокоиться, — спохватился тот.

За окном мелькали телеграфные столбы, проплывали деревеньки и станции. По стеклу стекали капли дождя. Поезд Екатеринбург—Тюмень плотно вошел в майскую грозовую ночь.

— Голубчик, а чай-то где? — с утра обратился к проводнику рассерженный пассажир, собирая со стола исписанные листы.

— Ой, запомнил совсем! Сей момент.

За полчаса до приезда проводник зашел за стаканом.

— Отменный у тебя чай был, сказочный, — хмуро поблагодарил пассажир вагоновожатого. — Я, спасибо ему, интересный рассказ успел написать.

— Ого! Рассказ! — удивился проводник. — Извиняюсь, ваше благородие, а о чем он?

— О железной дороге, — ехидно улыбнулся ухоженный господин.

— Про нас, значит, — довольно кивнул проводник. — А как название его. Если не секрет? Даст Бог, почитаю.

— «Злоумышленник».